

Амита Аджая

Обретение

Амита Аджая

Обретение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25724380

ISBN 9785448564840

Аннотация

Роман «Обретение» повествует о героях, претерпевающих драматические события в жизни. Случайные встречи, трагические события как вереница взаимосвязанных, неслучайных событий, которые заставляют героев пересмотреть свою жизнь, изменить себя. Они пытаются разобраться в своих внутренних проблемах, найти ответы на извечные вопросы бытия. Поиск себя порою относит их в глубины детства, юности, переворачивая представления о смысле настоящей жизни, соотносить понятия плохого – хорошего, правильного – неправильного, истинного – неистинного.

Содержание

Диана	5
Ираида	22
Диана	25
Ян	31
Диана	32
Ян	41
Старик	42
Ян	43
Диана	44
Старик	53
Диана	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Обретение

Амита Аджая

© Амита Аджая, 2017

ISBN 978-5-4485-6484-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Диана

Мы не можем вырвать из нашей книги жизни ни одной страницы, только прочитав ее, мы понимаем, для чего она была написана...

В юности Диана была другой: целеустремленной, принципиальной, твердо отстаивающей свои убеждения, идущей напролом, невзирая на трудности.

Диана была твердо убеждена в том, что жизнь ей умной, красивой, раскроет все пути, любые дороги.

Реальность оказалась более прозаичной. В этом мире филолог с красным дипломом был не особо кому нужен. Два года она мыкалась по чужим углам в деревне, чтобы в сельских школах добросовестно нести «просвещение в массы». Каково же было ее удивление, когда она, наконец, осознала, что массам не нужна ни ее «филология», ни ее пресловутые принципы и убеждения, демонстрировавшие ее старомодные взгляды на жизнь.

Оказалось, что ее взгляды о том, как нести то самое «просвещение», ее многочасовые подготовки к урокам никого не интересуют. Как и, собственно, результаты этих трудов. Ее быстро охватило разочарование.

Чтобы не задохнуться в атмосфере серого всеобщего равнодушия, ей, как воздух, необходимо было большое про-

странство. Она решила уехать в большой город.

Неизвестность страшила, однако окончательно поборов страх, она отправила анкеты на сайты по поиску работы.

Через три недели ей пришло два положительных ответа.

Ее внезапный отъезд совершенно никого не беспокоил в школе.

«Если хочешь, езжай, вместо тебя найдем замену», – сказал ей директор.

Сборы были недолгими. Никто из коллег и не обратил на это внимание. Каждый был занят собой, своими проблемами. Вот она – повседневная реальность мира.

Не смотря, на ожидания, ее спонтанный, долгожданный переезд в большой город ничего не решил. Проблем стало только больше. Решение бытовых проблем отнимало много сил. Она не чувствовала опоры под ногами. Она буквально тонула в бытовых проблемах.

Диана сосредоточенно думала, что мешает ей в жизни, что ее тяготит. Взвешивая все аргументы, она решилась и написала заявление об увольнении. Впереди ее ждала неизвестность, на ней висели кредиты, но она почувствовала огромное облегчение. Груз свалился с души. Она чувствовала, что эта работа ее эта тяготит. Нужно было с чего-то начинать. Она вспомнила, что когда то у нее было два положительных ответа от работодателя, однако тогда она погналась за более щедро оплачиваемым вариантом.

Решив рискнуть, она позвонила второму работодателю.

Сердце громко и часто стучало от сильного волнения. На том проводе никто долго не брал трубку. Наконец, ей ответили.

На следующий день она шла на собеседование, а через месяц уже полностью освоилась на новой работе. Не смотря на то, что добираться до нее теперь было в два раза дольше, новая работа не так тяготила, как прежняя. Приходилось раньше вставать, но она была рада новым переменам в жизни.

В это же время она встретила свою первую любовь.

Ее тускло-серая жизнь, наконец, обрела какой-то смысл.

Она была счастлива рядом с ним и несчастна без него. Дни, когда он был в командировках, тянулись бесконечно долго. То, что он не чувствует к ней тех чувств, которые испытывала она сама, она поняла не сразу. Эти мысли начали проявляться постепенно. Его раздраженное молчание. Его частые командировки, будто он сбегал. От кого? От нее? От чего? От ее чувств? Неужели она ему в тягость. Поначалу она сваливала его состояние на напряженный график его работы. Профессия пилота обязывала. Однако очень быстро она поняла, что проблема не в работе. Проблема в нем, в ней, проблема в отсутствии взаимопонимания, любви.

Однажды он сказал, что хочет уйти.

Оказалось, что у него уже давно есть девушка и ребенок в другом городе. В то время, когда она страдала от разлуки, он был с семьей.

Она не останавливала его, когда он, собрав вещи, ушел.

Словно нить какая-то оборвалась в душе. Мир потускнел и стал неинтересен, исчез ее смысл.

Она снова была одна.

Как – то раз, идя по дороге к метро, она увидела большую толпу поющих цыган. Они пели старинный цыганский романс. Песня лилась, лилась с надрывом, затрагивая самые потаенные струны ее души. Она остановилась. От необъяснимого волнения у нее перехватило дыхание. Она не понимала ни слова, но песня разрывала ее душу. Ей хотелось запеть, вторить этой цыганке. Петь также с надрывом, всем израненным сердцем, всей истерзанной душой.

Она, было, подалась вперед, но тут, же себя одернула. Не может она этого делать! А вдруг ее увидит кто-нибудь из ее знакомых.

Будто стыдясь своих внезапных порывов, убегая от своих тайных желаний, она быстро пошла к метро. По дороге она размышляла о собственной жизни.

Что с ней стало? Когда она вдруг стала такой? Ведь раньше она была свободной, независимой от суждений и оценок других.

Ночью ей приснился сон. Она совсем юная девчонка, танцует возле костра. Танцует, что есть силы, смеется громко, заливисто. Она никого не замечает. Словно весь мир у ее ног, до того она счастлива в эти минуты, у нее кружится голова от счастья, душа поет, а сердце замирает в сладостном чув-

стве безудержного детского счастья.

Резко проснувшись, она долго не могла прийти в себя. Сон был настолько близок и реален, ей казалось, она до сих пор чувствовала горячее дыхание костра и безграничное, волнующее счастье внутри. Будто сейчас это было с ней, пару минут назад.

Сон, как тонкая связующая нить, обнажил воспоминания ее жизни.

В поселке, где она провела детство, у них был старый дом с прекрасным садом.

Сад – прекрасное творение ее деда, восхищал всех в округе.

Сад был неприкосновенен, никто из посторонних не должен был там находиться. Право на вход туда имели только близкие члены семьи.

В этом саду росли сладкие, ароматные яблони, посаженные рукой деда. Особенно прекрасен сад был весной. Аромат цветущих деревьев весной благоухал на всю улицу. Цветущий сад дурманил, манил, обещал долгое прекрасное лето.

Любила она летними днями забраться в беседку с книгой, смотреть в бездонное, голубое небо, наивно разгадывать плывущие фигуры облаков.

В те незабываемые минуты душа ее пела, рвалась в безоблачное яркое будущее.

Весь в белых цветах, с благоухающей сиренью, красавец –

сад, был немым свидетелем обид, душевных невзгод, нечаянной радости, счастья всех обитателей дома. Сад укрывал и ее, Диану, от всех детских обид и напастей, слез первой неразделенной любви. Он утешал тихим шелестом листьев, ароматом сладковатых яблонь и умиротворяющей тишиной.

Где же сад ее детства? Что с ним стало?

Лет десять назад, она бывала на своей родине. После смерти ее стариков дом был продан. Она никогда не интересовалась, кому его продали, знала лишь, что дом был отдан в хорошие руки.

Ей захотелось увидеть его.

Поддавшись внезапному порыву, в выходные дни, она отправилась в места своего детства. Она несколько раз спрашивала зачем, для чего она едет туда. Но так и не могла дать себе ответа.

Дом был виден издалека, он стоял, будто на возвышенности, на пригорке, подальше от остальных домов. Он ей показался маленьким, не таким большим как в детстве.

Весь в бурьяне, стоял он тоскливо посреди печальной развалины. Наконец, она увидела сад. Сиротливый, неухоженный, угрюмый, словно немой упрек прежним хозяевам, предавшим и забывшим его.

Где – то забор упал, где – то еще держался. Видно, что после смерти деда никому не было дела до забора. Окружающее дом запустение отталкивало, шокировало.

Чувствуя огромное волнение, она шла через большую

ограду, прокладывая дорогу через плотный бурьян к саду. Крапива больно жалила, репей раздирал в кровь ноги, слезы наворачивались на глаза.

Наконец, она зашла в сад.

В саду царило такое же запустение, он также зарос бурьяном, повсюду валялся разный непонятный хлам: арматура, пластиковые бутылки, пакеты. Она не могла поверить своим глазам. Огромная гора мусора был свалена прямо в углу.

Не смотря, на общее запустение, деревья стояли. Они стали выше, могучее, крепче. Еще живут..., будто в немом ожидании...

Вопреки всему.

Ей было горько, видеть заброшенный сад, после того, как знала она его совсем другим, ей стало горько и стыдно. Стыдно, что так безмолвно предала она память деда, отдавшего немало сил и лет на его создание.

«Я уйду, а сад будет жить... радовать вас...», – говорил он, держа ее, маленькую девчушку, на руках. Он заботливо срывал, давал ей пробовать на вкус ранетки, подмороженные после первого морозца, отчего они казались сладким, самым прекрасным угощением на земле.

Тихо было в саду.

Она стояла, как замороженная, посреди затаившегося безмолвия. Слезы вновь подступили к глазам. Она упала на траву и уже не сдерживала рыдания, плакала о своей жизни, об одиночестве, о тоске по прошлому.

Резко подул ветер, листья кружевным ворохом падали вокруг нее, будто сад плакал вместе с ней, проливая слезы радости от долгожданной нечаянной встречи, успокаивал, утешал, как в прежние дни.

Возле летника все также стояла скамейка, которую соорудил ее дед. Краска на ней почти полностью облупилась, но все равно скамейка еще была очень крепкой. Она осторожно провела по ней рукой.

Давно это было, как сейчас помнит, как она, маленькой девчушкой, помогала красить эту скамейку своей бабушке. Она помнила тот яркий солнечный день, и ее девчачий радостный восторг от того, что ей впервые доверили такое ответственное дело. С каким старанием она отдавалась этому нехитрому делу, как старательно подбирала краску, кисти, как старалась выводить ровные линии, чтобы никто не мог придраться к качеству ее работы. Сколько потом дней ходила вокруг скамейки, гордо поглядывая, любуясь своей работой.

А вот и колодец! Стоит все также огорожен, с цепью на двери.

Колодец был отменный! Напор воды всегда был мощным, поэтому, когда вода на роднике зимой застывала, соседи за водой ходили к ним.

Рядом с колодцем росли кусты малины, смородины, оттого летом хрустально-прозрачная вода словно отдавала душистым вкусом ягод.

Тяжелая железная лестница, прибитая на века, все также стояла, прислонившись к дому.

Сколько времени она, тогда еще маленькой девчонкой, провела на ней, взгромоздившись на самом верху, заглядывая сверху на вид, открывающийся на дорогу, убегающую куда-то далеко... в исчезающую за поворотом даль.

Смотрела она на дорогу, ведущую вдаль. Мечтала... Мечтала... О чем она мечтала? Стерлось из памяти. Помнит только ощущение полета, переполняющее чувство безграничного, полного счастья.

А совсем рядом гора. Ходили они к ней с бабушкой собирать клубнику летом. А после, устав от праведного труда, любуясь полными тазами ягоды, довольные собой, любили они вкушать эту самую клубнику, перетертую с сахаром и сливками.

Но особенно она любила отправляться в лес осенью за грибами.

До сих пор помнила она тот восторг, который охватывал ее при виде грибов на поляне, их неповторимый запах – запах свежести осеннего леса. Любила она бродить по лесу, когда по нему витал запах осени и немножко грусти. Багряный лес напоминал о том, что лето прошло, а впереди долгая зима.

Сколько времени она просидела на завалинке, перебирая воспоминания, она не знала.

Теплые воспоминания, словно волны, наплывали, друг

за другом, наполняя душу очищающим светом тихой грусти.

Вдруг резко звякнула щеколда на калитке, Диана увидела, как к ней направляется пожилая женщина, лет шестидесяти. Поздоровавшись, женщина скороговоркой начала рассказывать о себе.

Оказалось, что она переехала сюда лет пять назад. Она добровольно присматривала за близлежащими пустыми домами.

– Охраняю дома, милая, по своей воле, чтобы никто здесь посторонний не ходил. А то тут только пусти, потом покоя не найдешь, – пояснила она.

Они познакомились.

– Зови меня просто Ираида, – попросила она.

– А где хозяин дома знаете? – спросила Диана.

– Как переехала сюда, никого ни разу не видела. Вроде, уехал давно отсюда. Сад стоит заброшенный, а какая добротная усадьба! Нужно лишь чуточку терпения, добросовестного труда и усадьба снова бы засияла. Да если дом привести в порядок, он еще столько же лет простоит! Пошли, милая, попьешь чайку со мной, отдохнешь с дороги. Дорога, наверное, дальняя была.

Они пошли к Ираиде. Дом ее стоял неподалеку. Аккуратный, просторный, он разительно выделялся среди остальных домов на улице.

– Тут живу я, да еще пара стариков моего возраста. Летом приезжают дачники, в последнее время и их не видно.

Круглый год то никто здесь не живет, кроме нас, стариков. Мне тут нравится. Воздух чистый, природа красивая, тишина. А что еще надо старухе на пенсии?

– Как же мне узнать, где хозяин дома? – спросила Диана.

– Так ты жить, что ли надумала здесь? Если так, то съезди в центральный район, в администрацию, километров шестьдесят отсюда, узнай там. А по мне, так можешь заселяться! Не было хозяина пятнадцать лет, значит, и не появится.

Ираида внимательно на нее посмотрела и продолжила:

– Поживи лето, отдохни, наберись сил. А там видно будет. По глазам вижу: устала ты, умаяла тебя жизнь. Мой тебе совет: проси у небесных сил помощи, проси! Вера ведь всех спасает, и тебя спасет, даст силы.

– Спасибо вам за все, мне ехать пора.

– А ты не торопись, сегодня отдохни. Завтра утром и поедешь. А сейчас, давай – ка, поднимайся, сходим в одно место.

Она хотела сказать, что устала, пора домой, но почему – то не было сил сопротивляться. Она послушно пошла за Ираидой.

Диана шла по пустынной улице, следуя за Ираидой, удивляясь, тишине, царствующей вокруг. Лето только вступало в свои права. Ее любимое время года. Она посмотрела вперед и остановилась.

Впереди, в стороне от деревни, на холме, стояла небольшая церковь. Купола ее отливали золотом. Ираида, почув-

ствовав ее волнение, ободряюще приговаривала: «Не надо бояться. Он укажет верный путь.».

Она открыла замок ключом.

– Проходи. Я тебя оставляю одну. Я буду тут неподалеку. Я думаю, ты знаешь, что и как нужно делать.

Диана, молча, кивнула.

Она смотрела на иконы и чувствовала внутреннюю дрожь и волнение. Это волнение пронизывала ее всю.

Сколько она пробыла там, она не знала. Уходить не хотелось. Захотелось остаться здесь. Навсегда.

На следующие выходные она опять приехала в поселок.

Она решила, наконец, привести дом в порядок. Подумав, что вряд ли кто в ближайшее время будет предъявлять права на этот дом, она решила, что постепенно восстановит его. Правда, как это сделать без посторонней помощи, она не знала.

Некогда большой добротный поселок вымирал. В округе доживали свой век лишь старики и старухи.

Она решила, что начнет дело с малого, поэтому с бесстрашным рвением принялась наводить порядок.

Вскоре, не без помощи Ираиды, ей удалось выкосить траву, увезти мусор на свалку, поднять свалившейся забор. Столь плодотворной работе мешали лишь проливные дожди.

Когда основная, работа, наконец, была завершена, рассеялись и тучи. Словно природа вместе с ней ликовала, радовалась проделанной работе.

Земля, очищенная от мусора, наполненная благодатным дождем, будто раскрылась, задышала.

Ожил, засияв новыми красками и сад.

Что-то магическое происходило и в ее душе. Будто очистила она и свою душу от ненужного хлама, мусора, всего того, что мешало ей жить.

Душа будто проснулась, воспрянула, замерла в ожидании. Чего – то доброго, светлого...

Дел по благоустройству усадьбы все еще было много.

Дом стоял, ожидая крепкой хозяйской руки. Выходных ей не хватало, много времени отнимала дорога.

Диана решила взять отпуск.

Летний домик был в гораздо лучшем состоянии, чем дом, поэтому она решила на время расположиться в нем. Целый день она скоблила, мыла, белила, красила. Работа спорилась у нее в руках. Впервые она создавала уют ни для кого-то, а для себя. Она и сама не знала, откуда она черпала силы. Но именно здесь, в стенах родного, отчего дома она ощущала долгожданный покой.

В углу летника, разбирая хлам, она наткнулась на какой – то ящик. Он был завален кучей старого тряпья, старыми газетами, журналами. Выкинув весь этот хлам на улицу, она попыталась открыть крышку ящика. Крышка не поддавалась. Диана попыталась пододвинуть ящик, но он был слишком тяжел. Она сходила в сарай за ломом, с помощью которого, с трудом, она все-таки открыла крышку. Она удиви-

лась, что в ящике было очень чисто, в стопочку были сложены какие-то конвертики, тетради, книжечки. В отдельном углу лежал альбом в ярко-голубом переплете. Похоже, что это был старый семейный альбом. Такие старинные альбомы, давно ушли в прошлое, канули в лету.

Почему она с детства не любила смотреть семейные фотоальбомы, она не знала. Что-то в них было грустным, даже печальным. Смотришь на фотографии, любишься лицами людей, восхищаешься их красотой, молодостью, видишь взросление человека, и вдруг с последним разворотом альбома понимаешь, что человека уже нет, он умер. И понимаешь, что жизнь человека быстротечна, наспех пролистана им, как этот альбом, с удачными фотографиями и без, с картинками рождения, взросления, старости.

Она отложила альбом в сторону. Взгляд ее упал на тетрадь в красном переплете. Она открыла ее. Видно, что это был дневник. Она не хотела его читать, собралась уже выкидывать в открытую печку, как вдруг из тетради выпала какая-то открытка. Она глянула на эту открытку. На ней красивым почерком было написана единственная фраза: Прости меня!

Не были заполнены ни поля адресата, ни сведений, кому было адресована открытка, ничего. Ей стало не по себе. Она сунула открытку и тетрадь в печь. Письма и фотоальбом она сложила снова в ящик.

Диана продолжила уборку. Однако теперь ею овладели беспокойные мысли. Кому принадлежали эти вещи? Кому

было адресована неотправленная открытка? Она попыталась отогнать эти непрошенные думы.

В конце концов, какая разница, чьи это письма, какое ей дело до них? Но предательские любопытные мысли не оставляли ее в покое. Что случилось с хозяевами? Не может быть, чтобы никому не было известно ничего об их судьбе.

Как обычно ближе к обеду она отправилась к Ираиде. У той, уже был собран на столе роскошный деревенский обед. Она радостно хлопотала у стола.

– Ираида, так кто все – таки жил в этом доме? Давно ли уехали хозяева? Где они?

Ираида на минуту замешкалась, будто вздрогнула.

– Да откуда же мне знать. Я тебе уже говорила, когда я приехала в этот поселок, в этом доме уже никого не было. Говорили, вроде, жил какой-то мужчина, но потом его увезли отсюда родные. Больше ничего не знаю. Да, в конце концов, какая тебе разница? Живи, радуйся, что никого нет. Отдохнешь тут в одиночестве, все лето впереди. Потом видно будет, что делать будешь. Не забивай голову всякой ерундой.

– Сегодня, когда я убиралась в летнике, наткнулась на чей-то старый фотоальбом. Не стала его смотреть, не люблю я их смотреть. Хотела выкинуть, но потом пожалела. Вдруг объявится хозяин.

– И правильно, зачем выкидывать? Прибери. Все – таки людское добро. А то вдруг, действительно, кто-нибудь объявится из родственников.

– Или из хозяев, – сказала Диана.

– Вот именно, – сказала Ираида.

– Помогите, пожалуйста, вытащить этот ящик из летника?

– Да, конечно.

После обеда они вдвоем вытащили ящик с содержимым в сарай.

Работа по благоустройству в летнике близилась к завершению. Наконец, сегодня, она могла расположиться у себя. Радости ее не было предела.

Ираида, конечно, женщина, приветливая, но лучше не надоедать соседям.

Вечером, после бани, которую ей истопила Ираида, она уже распаковывала, раскладывала свои вещи, была усталой, но безумно довольной собою.

Она лежала, наблюдая за плодами своих рук, как вдруг ей послышался с улицы какой – то непонятный стук. Она глянула в окно, за которым ей померещилась чья-то тень. Она вздрогнула. Быстро закрылась на крючок, и задернула штору. Сердце неприятно екнуло, застучало. Что это был за стук? Что за тень мелькнула за окном? Может ей показалось?

Решив, что слышавшийся стук и мелькнувшая тень – это результат ее многомесячной бессонницы, и расшатавшихся нервов, она постепенно успокоилась. Наконец, усталость взяла свое, и она уснула.

Наутро, она проснулась от стука в дверь. Сердце непри-

ятно заколотило. Оказалось, что это Ираида пришла позвать ее на завтрак.

– Вы ничего не слышали ночью? – спросила она у Ираиды?

– А что было ночью?

– Стуки какие-то, мне показалось, что кто-то ходил.

– Может быть. Бывает, что шныряют «гости» с соседних деревень, ищут, что завалюсь. Вон, сколько заброшенных дач, домов, добра то тут полно! Ты не бойся! Если что услышишь, кричи. Они будут знать, что дом не пустует, и больше не сунутся. Я всегда так делаю. Меня никто не беспокоит. Ты сегодня отдохни. Позагорай на речке, пока погода хорошая стоит. Чего сразу надрываться. Вон сколько работы переделала.

Диана решила последовать ее совету. Закинув дом на замок, она пошла на речку.

Река изменилась. Будто измельчала. Изменила русло. Странно было ходить по местам своих детских забав и игр. Здесь они увязывались за мальчишками, играя в их дико-жестокое игры, здесь перекрывали русло реки, пытаясь поймать карасей.

Она сидела на берегу реки, стараясь не плыть по течению прошлого, стараясь думать о настоящем. Надо бы съездить в соседнее село. Узнать, что-нибудь о прежних хозяевах дома.

Диана разлеглась на траве и под лучами теплого солнца, как то незаметно уснула.

Ираида

Ираида в последнее время была в приподнятом настроении. На душе было легко. Она очень обрадовалась новой соседке. Мысль от того, что она не будет куковать одна на пустынной улице, ее грела, успокаивала.

Только, что-то больно хмурая ее новая соседка. Ничего, оправится, поживет немного, отойдет душа, отмякнет.

Она вспомнила себя, приехавшую сюда пять лет назад. Было ей гораздо хуже. Сколько слез, она пролила, сколько тоски вылила. Видно судьба у нее такая, незадачливая. Хотя, что на судьбу пенять, сама виновата. Все, что произошло в судьбе ее, все происходило только по ее воле.

Она лежала на кровати, смотря в окна, за которыми гаснул день.

Все ее пять лет прошли здесь, в думах, размышлениях. Что остается делать ей, старухе, доживающей свой век в одиночестве?

Почему – то жаль было ей Диану. Чувствовала, что та много не договаривала. Как – нибудь сама расскажет. Ираида по себе знала, как неприятны расспросы окружающих. А уж она – то ее выслушает, подскажет. Чем – то Диана напоминала ее в молодости.

Молодость, где ты? Помнит она ее. Совсем недавно ведь было.

Смелая она была в молодости, даже немного отчаянная. Быстро собралась, за один день, решила и уехала на юг. Долго, помнится, не могла сообщить родителям, и в последний момент, когда надо было уже отправляться в путь, решила. На удивление, родители не стали сопротивляться. А может, наоборот, вздохнули, один лишний рот с плеч. Может и помощи, какой ожидали.

Собралась в один миг и упорхнула из отчего дома. Лишь когда оказалась в поезде, когда ехали они по бескрайним просторам, глядя в окно, ее охватила паника, страх, куда же она кинулась, как в омут с головой? Как же она там будет одна? Что ее ждет там, на чужбине? Ей хотелось сойти с первой же станции, вернуться домой. Но не сошла. Не вернулась. Поехала навстречу неизвестности.

Трудно было на чужбине, но как-то справлялась, пережила трудности, освоилась. Там и судьбу свою встретила. За муж пошла, потому что уже возраст поджимал, да и надоело одной тянуть лямку неустроенного быта.

И вправду вдвоем с мужем уже стало легче. Как то свыклись друг с другом. Хорошим оказался мужчиной. Надежным. Прожили с ним пять лет. Двое деток у них родились.

Со временем, надумали строить дом. Денег лишних не было, поэтому впряглись в работу сами. Сами таскали цемент, месили глину, затирали. Там и здоровье положили. Однако дом построили.

Просторный, светлый, с огромными окнами, с длинной

просторной верандой. Не дом, а загляденье! Радовались, мечтали, что рядом построят еще дом, чтобы с дочерьми встретить старость. Жить бы и радоваться, но не успел муж порадоваться. Заболел вдруг внезапно, и отдал Богу душу.

Погоревала она тогда, да что делать, как то жить надо было дальше.

Всю свою любовь она с тех пор отдавала дочерям. Старшую воспитывала в строгости, младшую баловала. Тяжело было поднимать одной детей, но она не роптала. Терпела. Разве она одна такая? Много таких.

Незаметно дети выросли. Ираида пыталась вспомнить, когда в последний раз разговаривала со старшей дочерью. Пыталась и не могла вспомнить. Нехорошо это, что они далеко друг от друга. Одни ведь совсем на этом свете остались.

Дочь изредка звонила, справлялась о ее здоровье.

До сих пор сердце сжимается от боли, вспоминая, как она тогда сидела на перроне, прощалась с дочерью. Украдкой утирала слезы, а сердце наполняла тоскливая боль. Предчувствовало оно, что увидятся они еще не скоро. Увидятся ли? Ираида вздохнула.

Надеялась она тогда на лучшее. Хотела сберечь младшую. В этом жестоком мире нужны когти, куда ей, ее младшенькой с ранимым сердцем и доверчивой душой.

Оберегала ее Ираида, как могла, чувствовала, что трудно ей будет выжить в большом мире, затопчут. Оказалось, как в воду глядела.

Диана

Нужно было протопить печь, чтобы как то выветрить застоявшийся запах в летнике. Открыв печь, она снова увидела красную книжечку. Она и забыла, что сунула ее в печь. Следуя, какому-то внезапному порыву, она вытащила ее, отряхнула от мусора, открыла первую страницу.

«Иногда мне ее жаль. Что она видела в жизни? Ей всю жизнь приходилось себя во всем ограничивать, чтобы вырастить нас. Приходилось жертвовать всем, чтобы нам было хорошо, а что она получила в ответ?

Она не познала любви, не познала радости семейного счастья, не познала материнское счастье благодарных детей. Мне кажется, что во всем этом виновата она. Не нужны такие жертвы никому. Нужно жить по воле своего сердца, по стремлениям своей души...».

«Мы опять поругались. Очень сильно. Я пишу, а сердце задыхается от обиды, гнева. Как любимый человек может так поступать? Зачем такая жизнь, когда нужно постоянно бороться, бороться за любовь, за счастье, за свободу. Устала... Где взять силы...?».

Диана захлопнула тетрадь. Что это? Будто она читала свои мысли.

Видимо этот дневник принадлежит девушке. Но кто она? Чей это дневник? Почему на записях нет дат?

Она решила, что она должна узнать, что случилось с прежними хозяевами дома.

Ираида, конечно, уверенно говорит, что они не приедут, а вдруг приедут? Она решила, что ей нужно срочно, не откладывая на потом, сходить в поселок, поговорить с оставшимися старожилами, выяснить, наконец, правду.

Она шла по пустынному поселку в надежде увидеть кого-нибудь из местных стариков. Наконец, впереди, она увидела старика, сидящего на завалинке. Она подошла к нему, поздоровалась.

– Здравствуй. Откуда ты? – спросил старик.

– Я из города. Приехала вот немного погостить у вас. Раньше я жила у вас. Называя фамилию деда, она надеялась, что старик что-то вспомнит, но старик равнодушно молчал.

– Да полно здесь людей было с такой фамилией. Однако, знаю дом этот, и хозяина помню. Хороший мужик был, мастеровой, как умер он, так и сгинул дом.

– Скажите, кому продали дом? Кто потом стал хозяином дома?

– А разве его кому – то продавали? – вопросом на вопрос ответил старик.

– Я знаю точно, что дом был продан. Мне интересно, что случилось с новыми хозяевами? Где они?

– Не знаю, может быть, уехали. Эти дачники то с шумом переезжают, потом резко уезжают. Кто их тут укараулит. Не знаю ничего, ты съезди в администрацию, там, наверное,

скажут.

Она попрощалась с дедом, чувствуя еще большее смятение.

Наутро она уже собралась в районный центр.

Проезжая мимо дома Ираиды, она видела, как та обеспокоенно смотрит на нее из окна.

Дорога до районного центра занимала около часа. Она быстро добралась до него. В отличие от поселка, районный центр разросся, похорошел. Новые дома стояли далеко за границами центра.

Следуя советам прохожих, Диана довольно быстро нашла здание администрации.

Оно было довольно внушительных размеров. На входе охранник объяснил, в какой кабинет ей нужно пройти, в какую очередь встать. Очередь состояла из нескольких человек, сидящих на стульях в холле.

Все стулья были заняты, поэтому Диана ходила по холлу, терпеливо ожидая своего вызова.

Наконец, очередь дошла до нее, и она зашла в заветный кабинет.

В кабинете ее встретила женщина средних лет. Узнав суть вопроса, она долго рылась в каких – то бумагах, затем произнесла:

– Дом и земельный участок принадлежит администрации. Если вы хотите там жить, вам нужно оформить договор аренды.

– Скажите, а что случилось с прежними собственниками? Разве дом этот не был куплен у кого-то?

– В этом поселке практически все дома являются собственностью администрации. Дом пустует уже лет как десять. Больше ничего вам пояснить не могу. Если хотите там жить, то вам необходимо оформить договор аренды. Можете подождать, как только начальник подпишет, я отдам вам ваш экземпляр. Вам нужно будет подождать какое-то время.

Она вышла из администрации в еще большем смятении чувств. Что же это получается? Дом принадлежит администрации. Значит, права была Ираида. Тогда чьи же там вещи? Чей дневник? Чей альбом? А где же прежние хозяева? Диана решила присесть на скамейку, чтобы успокоить нервы.

Из дверей выглянула женщина и жестом пригласила ее в здание. Она пошла за ней, чувствуя странное волнение. Женщина вела ее в другое крыло. Здесь была довольно роскошная обстановка. Наконец, пройдя через всевозможные двери, она завела ее в какой – то огромный кабинет.

За огромным столом, который стоял прямо у большого окна, сидел мужчина. Не смотря на серьезный вид и строгость, видно было, что он еще очень молод. Он даже не смотрел на них, увлеченно смотря в экран монитора компьютера.

Женщина вкратце рассказала суть вопроса.

Он жестом кивнул ей, и она вышла. Диана чувствовала себя не очень комфортно. Ей совершенно не нравилось эта роль просительницы, к тому же у нее начинало закипать

внутреннее раздражение, от того, что ей не только не предлагают присесть, но даже не удостоивают взглядом. Она не вытерпела и решила нагло присесть самой. Наконец, он оторвался от экрана монитора, посмотрел на нее, спросив выскомерным тоном:

– Скажите, зачем вам арендовать дом в этом вымирающем поселке?

– Я хочу этого.

– Для чего это вам?

– Это дом моего детства и я хотела бы жить там.

– Вы что решили надолго там обосноваться?

– Пока не решила, но скорее всего да.

Он внимательно на нее посмотрел.

– Вы понимаете, что это вымирающая деревня, в случае какого-либо чрезвычайного происшествия, вам никто не сможет вовремя оказать помощь. Я так понял, что там осталось две или три старухи, которые вот-вот отправятся в мир иной, и что вы там будете делать одна?

– Там еще есть люди, может быть около десяти человек, насколько мне известно, они не собираются умирать. Я вам объяснила, это дом моего деда, я хотела бы привести там все в порядок и пожить какое-то время. Может быть, когда-нибудь, я решу выкупить этот дом.

Он смотрел на нее каким – то колючим, испытывающим взглядом, в нем сквозило сомнение, ей стало неудобно от такого пристального, холодного взгляда, она отвернулась, при-

нявшись разглядывать, вид за окном.

Наконец, он начал изучать бумаги, пролистав договор, он быстро подписал и протянул ей со словами, как ей показалось, прозвучавшими зло:

– Сбежите оттуда через пару дней.

Ян

Он устало глянул на часы. Сегодня день пролетел быстро, в суматохе. Они договорились с другом пропустить стаканчик, после работы.

Все-таки сегодня пятница. Впереди выходные. Надо бы как следует отдохнуть. А впереди напряженные недели работы перед отпуском. Надо было еще решать вопросы с землей в поселке. Он вздохнул.

Как-нибудь надо съездить, посмотреть на уголья. Он думал, что из людей там уже никого нет, оказывается, если верить этой женщине, люди там еще остались. Не надо было ей ничего подписывать. Он и не собирался, поэтому позвал ее. Однако глянув на нее, не понятно, почему подписал. С ним это было впервые.

Ну а с другой стороны, чего волноваться, поживет в этой глуши пару дней и уедет. Почему то эта мысль его не успокаивала. Надо бы самому туда съездить. Ни на кого в этом деле не стоит полагаться. Даже на старика.

Диана

На обратном пути Диану одолевали сомнения. Правильно ли она поступила, арендовав дом. Ей вдруг стало казаться, что с прежними хозяевами этого дома приключилась какая-то неприятная история.

А в том, что история эта неприятная, она не сомневалась, достаточно было наблюдать за странным поведением Ираиды, старика, работников администрации. Кажется, что все они что-то упорно скрывали.

Ираида ее встретила у ворот. Она начала причитать:

– Куда же ты с утра сорвалась? Даже не предупредила, ничего не сказала.

– Я не стала вас беспокоить. Надо было съездить в администрацию.

Ираида обеспокоенно на нее взглянула:

– И что же тебе сказали? – спросила она.

– Оказывается, дом, принадлежит администрации. Действительно, хозяина у него нет.

Ираида как – то странно на нее взглянула:

– Как это хозяина нет? Кто это сказал?

– В администрации и сказали. Сказали, что почти все дома этого поселка принадлежат администрации.

– Как так? А мы же кто тогда? – воскликнула Ираида.

– Не знаю, голова кругом идет. Вопросов больше, чем от-

ветов – сказала Диана.

Поговорив немного с Ираидой, Диана постепенно успокоилась. Если у нее все законно с точки зрения администрации, то ей нечего переживать.

А дневники, вещи? Бог с ними, может быть хозяева, когда уезжали, в спешке забыли все это.

Она задумала посадить в просторной ограде большую цветочную клумбу. Ираида пообещала дать ей рассады. Диана довольно долго придумывала дизайн. Наконец, после некоторых колебаний, она приступила к реализации этой задумки.

Взяв у Ираиды тачанку, она навозила с реки бирюзовых камней, песка. Попросила у Ираиды выпросить у старух еще пару других сортов цветов.

Ираида радовалась как ребенок, пыталась подсказывать, как могла, помогала. Дело спорилось в руках. Так пролетела еще неделя. Наконец, к следующим выходным ее огромная клумба была готова. Вся ограда, словно огромная красивая поляна, была покрыта ковром из цветов. Безумно уставшие, но очень довольные собой сидели они, любовались результатами своего труда.

Вечером, отдыхая от трудов праведных, разморенная после бани, она уснула, кажется, впервые за долгое время крепким счастливым сном.

– Я понял, почему вам тут нравится.

Она вздрогнула, от неожиданности, потянулась за покрывалом, которое валялось рядом.

Через забор на нее смотрел старик, с которым она разговаривала несколько дней назад.

– Почему же? – спросила она

– Нет ни души. Что хотите то и делаете. Никто вас не беспокоит. Только это все обман самой себя. Ближе к осени начнете страдать, захотите отсюда уехать. А зимой вообще взвоете.

– Вы же, как то здесь живете?

– Не сравнивайте себя молодую и нас, стариков.

– Поживем – увидим.

– Просто совет хотел дать вам, а то, вижу, что пытаетесь обосноваться здесь, будто надолго остаетесь.

– Разве это плохо?

– Не нужно привязываться к этим местам.

– Почему это?

– Нет здесь будущего.

– Но почему вы так уверены?

– Я знаю – с раздражением сказал он.

Она удивилась этой внезапной вспышке раздражения.

Почему этот старик ее так недолюбливает?

Она решила спросить у Ираиды про него.

– Не обращай внимание. Это наш главный по поселку. Представляет себя хозяином. Старый стал, вот и чудит. То дачников пугает тут радиацией, то нас.

– А что здесь радиация?

– Да кто же знает. Только поэтому у нас, говорят, ничего решено не строить, все равно, мол, народ жить тут не будет.

– Хорошая отговорка, чтобы ничего здесь не делать.

– И не говори.

Вечером Диана опять открыла дневник:

«Убежать от себя не получается. От себя не убежишь. Не убежать от своих мыслей, желаний... Ты можешь покинуть дом, родных, но твои мысли всегда буду с тобой. Ярким днем и темной ночью. Они никуда не исчезнут... Поэтому, надо лишь пережить, прожить это все. Это случилось. Этому было суждено случиться. Этого не изменить. Это нужно принять.»

«Сегодня я увидела его. Он приезжал сюда по делам. На меня он даже не взглянул. Он уехал, а у меня опять случился приступ... Нужно забыть его. Она говорит, что он нехороший человек. Она права. Нужно его забыть. Но как? Таблетки уже не помогают. Бессонница меня замучила.»

Вдруг ей показалось, что резко хлопнули ее ворота. Диана вздрогнула, захлопнула дневник, и выскочила в сени. На улице было тихо. Она набралась смелости и заглянула в окно, там было темно и тихо.

Она зашла в дом. Похоже, что это из-за чтения дневника расшатались нервы.

Ей было знакомо состояние хозяйки дневника. Она не хотела к этому возвращаться. Никогда больше она не хотела

испытывать подобного.

Наутро она решила отнести дневник в сарай и положить его на прежнее место, в ящик. Открыв ящик, она вздрогнула. Ящик был пустой.

Она не верила своим глазам. Она точно помнит, что в ящике были письма, там лежал фотоальбом. Куда все это делось? А эти ночные шорохи, стуки? Словно, кто-то бродил по ограде. Но кто это? Что нужно ему? Ей стало дурно, липкий страх покрывал ее тело, забираясь куда-то глубоко в душу.

Она снова взяла с собой дневник. Принесла его в дом и решила запрятать куда подальше.

Ираида искренне сокрушалась, что кто-то беспокоит ее по ночам. Однако, старательно успокаивала ее, велев попусту ей не беспокоиться.

– Скорее всего, воришки промышляют, все наблюдай, вдруг, что пропадет. Вызовем участкового с центра, пусть составляет протокол.

Понемногу она успокоилась. В конце концов, действительно, кто к ней сунется, если она сидит, под тремя замками.

Отвлекаясь на домашние дела, она забыла про этот случай.

Следующие ночи прошли спокойно, и она уже забыла про него.

Она снова начала читать дневник.

«Она права. Он не любит никого. Он вообще не способен на это чувство. Сегодня я поняла, что это подлый, жестокий человек. Такие не умеют любить. Они только думают о себе. Их не волнуют чувства окружающих... Но как заставить сердце замолчать? Я не хочу больше жить...».

Дальше ничего не было видно, буквы расплылись. Остальные листы были в рисунках. Мрачные цветы. Весь мир нарисован в темном цвете.

Диана помнила, что неподалеку от дома Ираиды был родник. Он стоял поодаль от дороги, огороженный, а вода в нем была ключевая, прозрачная.

Она с трудом отыскала его среди бурьяна. Родник, по-прежнему, жил, однако время сделало свое дело. Все кругом заросло, родник почти исчезал, текла маленькая небольшая струйка родниковой воды.

Дорога, которая вела к роднику, заросла. Со стороны дороги ничего не было видно, поэтому о существовании родника путники и не могли догадываться.

Вдвоем с Ираидой они решили привести его в порядок.

Ираида раздобыла инструменты, они прибили отлетевшие от изгороди плахи. Начисто вырвали бурьян. Освободили дорогу к роднику от травы, груды камней и хлама. Диана сбегала домой за старой скамейкой, валяющейся в сарае. Они поставили скамейку возле родника.

Теперь источник был виден всем проезжающим по дороге путникам. Все желающие могли отдохнуть возле него, ис-

пить чистейшей родниковой воды, набраться сил.

– Зачем вы это сделали? – спросил старик.

Увлечшись работой, они и не заметили, как он к ним подошел.

– Чтобы все видели, что здесь течет родник, – ответила Диана. Чтобы люди знали, что здесь есть вода.

– Зачем? – опять повторил он.

– Решили и все. Тебе какое дело, дед? Иди своей дорогой – разозлилась Ираида.

Старик ушел.

– Вот вредный дед, нейдет ему никак. Сейчас опять доложит, – заворчала Ираида.

– Кому?

Ираида неопределенно ответила:

– Да всем.

Старик действительно все сообщил.

На следующий день, когда Диана пропалывала клумбу, возле ее дома остановилась машина. Она была удивлена, потому что здесь машины проезжали также редко, как и проходили люди.

Она не поверила своим глазам, когда увидела того главного с центра. Они с водителем направлялись к ней. Вид у них был довольно серьезный. Диана почувствовала знакомый укол страха.

– Что вы себе позволяете? – вместо приветствия зло спросил он?

– Не поняла о чем вы?

– Зачем вы тут разводите бурную деятельность? Зачем очищаете родники? Зачем собираетесь тут организовать церковный приход?

– А что это запрещается?

– Я, кажется, вам говорил, что здесь неблагоприятная территория.

– Кажется, я прожила здесь больше вашего. Я здесь провела все свое детство, и никогда подобной чуши не слышала.

Видимо, они так шумели, потому что к ним спешно бежала Ираида.

– Я вас предупреждаю, иначе вам придется пожалеть, – сказал он.

– Вы что мне угрожаете?

– Я вас предупреждаю.

– Что здесь случилось? – спросила Ираида

– Вы все не можете успокоиться? – спросил он у нее.

Ираида странно замолчала.

– Мне интересно, почему это вы мне угрожаете? Вы кто такой? – Диана вдруг разозлилась. – Я могу поднять общественность. Еще неизвестно кто из нас пожалеет. Что вы тут вообще вытворяете? Что это за беспредел? Эта земля – не ваша собственность.

– Я вас предупредил в первый, и последний раз, – зло сказал он.

– Я подниму общественность. Я не оставлю это так – кри-

чала уже Диана. Ираида пыталась ее успокоить, но Диана уже понесло, она не могла остановиться. Она готова была кинуться на него с кулаками.

Они уехали, а Диана все никак не могла успокоиться. Кажется, она впервые в жизни, так внезапно вышла из себя.

– Почему вы мне ничего не рассказываете, что здесь происходит? Почему он угрожает? Почему он себя так ведет. Словно, хозяин.

– А так и есть. Он хозяин. Хозяин этого района. Хозяин этих земель.

– Это ничего не значит. Видимо, он привык, что никто не сопротивляется, поэтому и обнаглел.

Ираида внимательно на нее глянула и сказала:

– Думаешь, не сопротивлялись? Сопротивлялись. Только они нас сломали.

– Что значит сломали?

Ираида не сразу ответила:

– Волю нашу сломали.

Ян

Водитель пытался его успокоить, но он все не мог успокоиться. Эта женщина вывела его из себя. Вот, что значит, поддался минутной слабости, сделал добро, пожалел ее. А она уже, видите ли, готова поднять общественность. Ну и наглость! Он буквально захлебывался от злости, раздражения, и еще не понятно от чего.

Старик, видимо совсем нюх потерял. Изображал ее тоскующей, блаженной дамой. Нужно принимать меры, но какие?

Такую сразу не запугать. Надо же, еще и Ираиду обработала!

Сейчас и эта напоеет ей про него. Ему стало вдруг неприятно. Какая разница, пусть говорит, что хочет, подумал он. Однако мысль, что именно Ираида может напеть ей про него, ему совсем не нравилась. Нужно поговорить со стариком, и решить эти вопросы.

Старик

Машину он увидел издалека. Наконец, он приехал.

При виде него, его всегда охватывала гордость. В нем он видел себя лет пятьдесят назад. Такой же хваткий, резкий, идущий напролом. Такого ничто не сломит. Его надежда! Вместе они многое, что смогут сделать. Поэтому и помогал ему во всем, хоть иногда их взгляды и расходились. Он знал, что привело его к нему. Давно он уже у него не был, хотя старик навещался к нему довольно часто. Ему нравилось, что тот всегда советовался с ним. Даже гордился этим. На самом деле, у кого же ему спрашивать совета, как не у него. Он хозяин этой земли. Он знает обо всем, что здесь происходило, происходит, и будет происходить.

У него как всегда был готов план. Он для этого и звал его сюда.

Встретив его у ворот, старик повел его туда, где никто не мог им помешать, там, где с давних пор решались дела, известные только им двоим.

Долго они совещались. Наконец, план старика с небольшими поправками был одобрен.

Уже через час он провожал его, испытывая как всегда тоску при разлуке. Совсем скоро они будут вместе вершить дела. Его молодость, сила и его, стариковская хитрость поможет им горы свернуть.

Ян

Проезжая мимо ее дома, он увидел ее, склонившуюся над клумбой, и ему неожиданно отчего-то стало не по себе.

Может зря они видят в ней угрозу. Ну, побалуется тут она своими клумбами, побудет тут до зимы, потом уедет туда, откуда приехала.

Однако не нужно исключать и второй вариант. Ей здесь понравится, и она притащит сюда кого-нибудь еще. Нужно действовать наверняка. Старик всегда прав.

И чтобы он делал без него. Казалось, годы совсем не берут его.

Не смотря на преклонные годы, ум его такой же острый, даже коварный. Все знает наперед. Хитрый старый лис.

Диана

Вечером Диана спросила у Ираиды:

– Что общего у старика с этим человеком?

– Он его дед. А вообще он его стукач, надсмотрщик этой территории.

– А над кем или чем присматривать? За парой стариков? Тут же никого нет.

– Ну и за пустой территорией нужен присмотр. Мало ли что тут происходит.

– Странно как то все это.

– Да ничего странного. Старик, видно, продолжает изображать из себя хозяина, видно совсем из ума выжил. Вот и все.

– А кто этот главный? Что он за человек?

– Держись от него подальше. Слышала только, что он человек нехороший. И связываться с ним никак нельзя. Больше никакой самодеятельности. А то действительно, опять головной боли добавится. Ты слышала? – строго спросила она.

– Почему опять? – спросила Диана.

– Да так, к слову – сказала Ираида.

У Дианы снова возникло чувство, что Ираида от нее что-то скрывает.

К тому же ее волновало, как планы, которые она доверяла Ираиде, стали известны всем.

Как то вечером, к ней совершенно неожиданно пожаловал старик.

Его присутствие ей было неприятно. Она испытывала, что – то похожее на страх.

– Не могу понять, зачем ты сюда переехала? – спросил он. – Ты здесь от скуки взвоешь. Молодые давно отсюда уехали, а те, кто не хотел уехать ушли в мир иной, зачем тут тебе оставаться, зачем скучать?

– Чего мне скучать? Я же здесь не одна. Ираида вот рядом. Мне с ней не скучно.

– Так ты подружилась с ней? – удивился старик.

– А что ж тут удивительного? – спросила она.

– С ней вообще никто не уживается. А после того, как здесь такое произошло, так вообще странной стала.

– А что здесь произошло? – спросила она.

– Она разве тебе не рассказывала, – будто удивляясь, спросил он.

– Нет.

– Ну, тогда и я не буду. Сама как – нибудь все расскажет. Только я бы советовал уехать и не вспоминать это место. Старик резко встал и ушел, снова оставив ее в смятении и тревоге. Что не могла договаривать Ираида?

Ночью у нее кто – то сломал ограду.

Ираида, казалось, нисколько не удивилась этой новости.

– Этого следовало ожидать, – сказала она.

– Что это значит?

– Ты поссорилась с главным – вот и результат. Это еще только начало. Я же тебе говорю мстительные они, держаться нужно от них подальше. Не связываться.

– Вчера был старик, примерно те же самые советы давал, только в отношении тебя.

– Я и говорю, это только начало, погоди, начнут стравливать нас с тобой. Не поддавайся, не верь им. Сейчас на меня начнут наговаривать. Знаем мы про их методы. Вон, вся деревня, перессорилась. Никто ни с кем не общается. Он у меня ведь тоже был вчера, я ему сказала, что ты осенью уедешь.

Диана удивленно посмотрела на Ираиду.

– Сказала, что ты, как помиришься со своим молодым человеком, так сразу и уедешь. Поручилась, что осенью уедешь, – продолжила Ираида. – Надо, чтобы они успокоились. Тебе и впрямь надо уезжать. Если тебя невзлюбили, ничего хорошего не выйдет.

– Но почему вы решаете за меня? – возразила Диана.

– Я их лучше знаю, не надо со мной спорить, – с нажимом сказала Ираида и вышла.

Диана решила, что не будет обращать внимание на выживших из ума стариков.

Однажды ночью она проснулась от шума на улице. Кто-то громко разговаривал, где – то раздавалась музыка. Она удивилась, кто мог шуметь в этом медвежьем углу.

К рассвету шум потихоньку стих, и она, наконец, уснула.

Утром ее разбудил стук в окно. Стучала Ираида, она тя-

жело выдохнула:

– Сеньку убили.

Спросонья Диана не сразу поняла, кто такой Сенька. Наконец, до нее дошло, что Сенька эта была верной собакой Ираиды.

Худенькие плечи ее вздрагивали от рыданий. Для Ираиды Сенька была больше, чем просто собака.

Через два часа, Диана уже везла участкового с районного центра. Ей пришлось закатить скандал, сделать пару угрожающих заявлений, и ему пришлось сесть к ней в машину, чтобы отправиться с ней на место происшествия.

Когда они приехали, черная машина еще стояла у дома старика.

Участковый с сомнением поглядывал на машину. Он явно не хотел никуда заходить.

Диана, видя его нерешительность, начинала заводиться. Через минуту они уже шумели на всю улицу. Через несколько минут выскочил из дома старик. По его виду было ясно, что ночь у него была такой же бессонной.

– Что здесь происходит? – спросил старик

– А то, что сегодня ночью здесь произошло убийство. Кто-то бесовестно убил Сеньку.

Старик побледнел.

– Кого убили?

– Сеньку. Собаку Ираиды.

Старик смачно сматерился.

– Можете еще один протокол составлять, – сказала Диана

– Почему вы решили, что это я?

– У вас всю ночь был шум, пьянка, – надо было еще ночью вызвать участкового, – кричала Диана.

Участковый вдруг занервничал. Что-то невнятное пробубнил и спешно пошел прочь. Оглянувшись, она увидела какого-то мужчину. Он недовольно смотрел на нее. Ей стало не по себе от его злобного взгляда.

Старик угрожающе ей прошипел:

– Переломаем кости без суда и следствия. И не таким рога обламывали.

– Вы меня не пугайте, я буду жаловаться на ваш произвол – ответила она ему, а у самой тряслись поджилки от страха.

И чего она так расхрабрилась?

Участковый ждал ее у ворот.

– Ты хоть знаешь, с кем связываешься? Еще и меня чуть не подвела под монастырь, – начал шипеть он.

– Чего вы все боитесь? Трясетесь как зайцы, даже противно. От этого они и наглеют.

– Тебе хорошо рассуждать так. Ты завтра встала и уехала, а нам здесь жить, ты понимаешь? И вообще они здесь хозяйева. Запомни это. Они тут регулярно охотятся, а тебе в это дело не стоит соваться, знаю, о чем говорю, были тут желающие, а теперь их нет. Где они? Никто не знает. Давай вези меня обратно.

Всю дорогу они не проронили ни слова. На прощание он ей сказал с угрозой в голосе:

– Сиди там не рыпайся, пока не лишилась чего-нибудь.

Обратно в поселок она ехала совсем без настроения. Не радовала ее ни окружающая природа, ни радость от созерцания родных мест.

А может действительно уехать, не видеть всего этого безобразия. Зачем ей это все? Жила же как – то без отчего дома пятнадцать лет. Также и дальше проживет. А эти хозяева жизни пусть творят, что хотят, пусть убивают, кого хотят. Кто она такая? Какая у нее власть?

Идя по дороге с родника с водой, она увидела ненавистную машину, несущуюся на огромной скорости навстречу. «Чтоб вам навернуться, где-нибудь» – зло процедила она. Словно в ответ, машина ускорила ход, и брызги из зеленой лужайки на дороге попали ей на платье.

Напрасно она успокоилась, думая, что они уехали. Вечером они вернулись снова. На душе было беспокойно.

– Почему же они не уезжают? – спросила она у Ираиды.

– Охотятся. Они будут тут три или четыре дня крутиться или на кордоне.

– На кого они охотятся? Разве здесь не запрещена охота.

– Есть, вроде, заповедные территории, но им на это наплевать. Поохотятся, погуляют и уедут к себе. А нам остается только молчать. Сама знаешь, мы против них никто.

– Как же так? Неужели никто ничего не может сказать?

Неужели некому заявить об этом беспределе?

– Пытался тут какой-то журналист, что – то написать. Даже приезжал сюда, останавливался у меня. Газету со своими статьями у меня оставлял. Выпытывал тут все у местных. Однако, как приехал, так и уехал. Больше ничего не слышали о нем. Напечатал он статью или нет, не знаем.

– Сохранилась у тебя эта газета?

– Сохранилась, я тебе дам, но обещаю, что ввязываться ты в это не будешь. Знаю я их. Узнают, что, держись, житья не дадут. Держаться от всего этого нужно подальше.

Ираида подала ей газету.

Там на два разворота была опубликована статья, повествующая о бесчинствах браконьеров. Судя по всему, статья не возымела никакого действия, раз эти бесчинства, не взирая ни на что, продолжались.

Взяв в руки газету, Диана, с невеселыми мыслями пошла к себе домой.

Когда она шла к дому то увидела главного. Он шел навстречу, пошатываясь, расплывшись в отвратительно-мерзкой улыбке.

Она хотела было проскользнуть мимо, но он резко схватил ее за руки. Она вырывалась, но он крепко держал ее за руки. Диана визжала, что было мочи. Никого не было видно. Вдруг ее начало трясти, она начала оседать, в глазах у нее все поплыло.

Когда она очнулась, то увидела возле себя Ираиду. Та что-

то пихала ей в нос.

– Наконец, очнулась. Я уже, думала, как отвезти тебя в больницу, – она горестно утерла слезы.

– Что со мной произошло?

– Ничего, вовремя я подроспела. Хорошо, что услышала твой крик.

Стоило только чуть отлучиться и вот. Отдохни чуть, а завтра надо собираться. Уезжать тебе надо отсюда. Не к добру это все, не к добру... Глаза их видела я, поздно может быть, – причитала она как заведенная.

– Вот еще чего. Будто испугалась их.

– Я тебе говорю надо уезжать, – вдруг резко прикрикнула Ираида. – Не зря он зачастил сюда. Глаз не показывал сколько лет, а тут снова зачастил. Да еще с такими же мерзавцами – дружками.

– Никуда я не поеду – сказала Диана.

Ираида разозлилась:

– Ну как хочешь. Сама виновата во всем будешь.

Резко встала, громко хлопнула дверью и ушла.

Диана решила, что больше не будет вести себя, как трусиха. Чего это она расклеилась? Такие подлецы сразу чувствуют страх. Им нужно бояться ее! А ей бояться нечего. От этой мысли ей стало легче. Исчез страх. На следующий день она спокойно бродила по ограде, выполняя свою обычную работу. Ее руки, наконец, дошли до кухонного стола. Она решила его подкрасить, чтобы как-то обновить его.

Звякнула щеколда, она увидела, как идет к ней старик.

– Ираида сказала, что ты до осени у нас? – спросил он

– Скорее всего – ответила она

– Вот и хорошо, – радостно закивал старик. – Что тебе тут молодой загинать.

– Почему это загинать? – спросила она.

– Молодая еще, жить надо, радоваться, а здесь какая жизнь?

– Почему вы так настойчиво меня с Ираидой выпроваживаете? – спросила она

– Да жаль нам тебя. Вот и все.

– А чего меня жалеть?

– Я и говорю, если останешься, сгинешь, от того и жаль, – как то странно произнес он.

Она вздохнула, в который раз, пообещав себе, не обращать внимание, на выживших из ума стариков.

Старик

Старик не мог успокоиться. То, что он увидел на кордоне, его шокировало. Повсюду, прямо на голой траве лежали туши убитых животных.

Сколько же они орудовали здесь?

Ему было вдвойне противно, что охотятся они не ради пропитания, а ради развлечения.

Больше всего его поразило, хладнокровие охотников, когда они сдирали шкуры с туш животных. Он понимал, что для них это просто трофеи, чучела, которыми они будут хвалиться перед гостями.

Сколько они здесь буйствовали и еще будут буйствовать?

Он посмотрел на внука. Тот, как и все, также хладнокровно сдирает кожу с несчастного животного, как ему показалось, даже с каким – то удовольствием. Словно совершает знакомое ему дело. Привычное... Сколько раз они это проделывают? Что же они здесь творят, пока его здесь нет? Он ведь не знает, как часто они бывают здесь?

Когда-то они уже ругались по этому поводу. После этой ссоры внук не стал его брать с собой, не стал ничего говорить про охоту.

Старику резко стало плохо.

Когда вы поедете домой? – спросил он у него

– А что мы тебе мешаем?

– Зачем так часто охотиться?

– Хочется отдохнуть, отвлечься.

– Вы называете это развлечением?

– А что это, по-твоему?

– Убийство ради развлечения – это хладнокровное убийство.

– А что ты этого раньше никогда не делал?

– Если и делал, но я никогда не брал большего, чем надо, и не занимался этим от скуки, ради развлечения.

– Почему ты так реагируешь?

– Я очень расстроился от всего увиденного. Я не для этого тебя растил, воспитывал. Не ради того, чтобы ты убивал ради удовольствия.

– Это животные, дед. Это не люди. Впервые от тебя слышу такие вещи, ты сам охотник, мы с тобой вместе ходили когда-то на охоту, не ты ли меня научил этому.

– Я научил, а теперь жалею об этом. Мне кажется, я тебе говорил, что нельзя убивать животных просто так. Это такие же живые существа, как мы с тобой. Не я ли тебе постоянно говорил, что нельзя брать от природы больше, чем надо для жизни. Она этого не прощает. Она жестоко расправляется с теми, кто идет против нее. Если бы этого равновесия не было, мир давно бы рухнул.

– Мне кажется, ты начал чудить.

Он лишь отмахнулся от старика.

Старик устало присел на скамейку.

Как он может обвинять кого-то. Не он ли сам взрастил убийцу, доверив оружие в руки? Не он ли с детства брал его на охоту? Не во время ли их вылазок, почувствовал внук вкус крови жертвы. Не он ли дал ему право провозгласить себя главным на этой земле, потакая его капризам и желаниям?

Он виноват во всем. Только он.

Он сам, собственными руками, взрастил палача.

Но кто тогда сам он? Ведь он сам готов расправиться с любым, вставшим на пути внука? Он такой же палач.

Старик горестно схватился за голову.

Диана

Третий день кутежа продолжался. Днем их не было видно. Видимо, они куда-то уезжали, а вечером возвращались вновь, и кутили до утра. Она не понимала, как выдерживает это старик.

Ей даже искренне было его жаль.

Она стирала на речке половики, отдавая все силы этому непростому занятию. Она нашла их в сарае, в старом ящике. Половики были самотканые. Она помнила, с каким благоговением она их расстилала вместе с бабушкой после уборки. Она решила придать им вторую жизнь, расстелить в своей летней избе.

Стояла изнуряющая жара. Ей хотелось как можно быстрее их развешать, чтобы они могли, как следует высохнуть.

– Может, наконец, скажешь, что ты здесь потеряла?

От неожиданности она вздрогнула и чуть не упустила в реке половицу. Он стоял в пяти шагах от нее. Она могла только догадываться, сколько времени он наблюдал за ней, пока она, кряхтя, бултыхала в воде половицы.

– Я же говорила, мне здесь нравится.

– Тебе здесь так нравится, что ты хотела бы здесь жить?

– Да.

– А может дело в другом. Ты просто сбежала от чего – то или от кого-то? Отсиживаешься здесь и боишься признаться

В ЭТОМ.

– И это тоже может быть.

– Ты даже не отрицаешь этого?

– А чего отрицать? У каждого из нас есть причины, по которой мы порой хотим сбежать туда, где нас никто не найдет.

Он внимательно на нее посмотрел:

– Верно. Наверное, я тоже хотел бы тут остаться. Здесь, наедине с природой, можно быть самим собой.

Она удивленно на него посмотрела.

– Вы не выглядите человеком, который хочет остаться наедине с природой.

– А как я выгляжу?

Она промолчала.

Он настаивал:

– Как же я выгляжу?

– Как человек, который слышит только себя, делает то, что вздумается, не задумываясь о чувствах окружающих.

– Не слишком лестная характеристика.

– Зато, правда.

– Я понял, почему ты тут одна.

– Почему же?

– Потому что любишь говорить правду, а правду мало кто любит.

– Нет, не поэтому.

– Или же ты так любишь говорить правду, что не можете жить в обществе, где ее не любят.

Она внимательно на него посмотрела.

– А вот это уже ближе.

– Вот видишь, я тоже умею давать людям характеристику.

Она начала собираться. Она чувствовала себя неудобно в его обществе. Ощущала страх и тревогу.

Он взял у нее из рук тележку с ванной. Она пошла следом.

Внезапно она поняла, почему ей не нравилось его общество. Он подавлял ее волю.

Она резко выдернула у него ручку, покатила тележку сама.

Он удивленно на нее посмотрел:

– Тяжело же?

– Ничего и не такое делаем. Не развалимся.

Он посмотрел на нее с усмешкой.

– Еще и дикая.

Они рассмеялись.

Хотя он и был навеселе, сейчас она его не боялась.

«Он браконьер, убийца животных», – напомнила она себе.

Вспомнив про это, она опять нахмурилась.

– Ты красиво благоустроила все возле усадьбы. Даже я захотел бы тут жить.

– Кто-то не хочет, чтобы я тут оставалась. Каждый день отправляет меня туда, откуда я приехала.

– Кто же это? Старик?

– Не только. Ираида тоже провожает меня.

Он нахмурился.

– А Ираиде, что нужно?

Она пожала плечами.

– Ты останешься тут до осени. Потом уедешь к себе, за работой и домашними хлопотами, ты опять забудешь это место.

Она кивнула. Ей снова стало не по себе. Она не могла понять, почему она опять подчинялась чему – то. Чужой воле?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.